

Он ещё не дошёл до пристани, когда издалека заприметил Старину У. Тот стоял, высматривая кого-то в толпе, и, едва заведя юношу, расплылся в улыбке, точно встретил родного сына.

— Паренёк Фан! — воскликнул он, поспешив навстречу. — Ну наконец-то ты пришёл!

— Простите, дядя, — Фан Цзычэнь прибавил шагу. Оправдываться он не стал, решив сказать всё как есть: — Проспал сегодня.

— Пустяки, — У повёл его в сторону каюты. — Главное, сведи сегодня все счета, и дело с концом.

Управляющий, заметив опоздание, тоже не стал ворчать. Он просто передал Цзычэню гроссбухи и отправился присматривать за погрузкой.

Две пухлые счётные книги на первый взгляд казались неподъёмными, но на деле работа не сулила больших хлопот. Счета касались лишь последних двух месяцев, а система учёта доходов и расходов здесь была куда проще той путаницы, которую разводили крупные корпорации в его прежнем мире.

Пока юноша считал, Старина У замер рядом. Он напоминал тюремного надзирателя, неусыпно следящего за особо опасным каторжником.

Фан Цзычэнь работал споро. Мелкие суммы он щёлкал в уме, а для крупных расчётов использовал отдельный лист бумаги. У глядел на его записи и ничего не понимал: цифры были странными, извилистыми — точно дождевые черви ползали по листу, изгибаясь то так, то эдак.

Зато в самих гроссбухах он писал на диво хорошо. Вчера, когда Фан Цзычэнь обмолвился, что начал учиться с трёх лет, Старина У ему не поверил. Но теперь, видя уверенную руку, чёткие и изящные иероглифы, старик признал: парень не врал. Чтобы поставить такой почерк, нужно корпеть над прописями лет восемь-девять, не меньше.

Однако сердце у старика всё равно было не на месте.

— Паренёк Фан, — У замялся, подбирая слова помягче, ведь всё-таки сам просил о помощи. — А ты не слишком ли быстро считаешь?

Цзычэнь даже головы не поднял. Одной рукой он перелистывал страницы, другой — стремительно выводил цифры.

— В самый раз.

Он был неглуп и прекрасно понимал, о чём тревожится старик.

— Не переживайте, дядя. Раз я взял серебро, то сделаю всё в лучшем виде. Будет комар носа не подточит.

Старина У немного успокоился:

— Ну, гляди. Мой кусок хлеба теперь в твоих руках.

К вечеру управляющий принял обновлённые книги. Просмотрев записи, он остался доволен. Даже если не вникать в правильность расчётов, один только вид документов внушал уважение: всё было чисто, аккуратно и упорядоченно. Глаз радовался — не то что после Старины У, у которого на каждой странице то клякса, то жирный крест.

В итоге все остались при своём: наниматель — с порядком в делах, Цзычэнь — с деньгами.

Закончив работу, Фан Цзычэнь не сразу отправился домой. Сначала он заглянул на склад пристани, присматриваясь к товарам, и лишь затем зашагал в сторону деревни.

В это время в доме семейства Ма как раз садились ужинать. Мужчины расположились за одним столом, ребятя — за другим.

Еда была незамысловой: миска кукурузных пампушек-вовотоу, варёная зелень да жареная капуста. Выглядело скудно, но в овощах плавало несколько кусочков жирной свинины, так что для деревни такой ужин считался вполне достойным.

У Старого господина Ма с возрастом зубов почти не осталось — передние выпали давным-давно. Кукурузные пампушки были твёрдыми как камень: сколько ни кусай, ни кусочка не отлочишь, скорее дёсны в кровь издерешь.

Старик бросил попытки справиться с хлебом и потянулся к овощам, но, едва отправив кусок в рот, тут же сплюнул. Капуста подгорела и насквозь пропиталась горьким дымом.

Он в сердцах швырнул палочки на стол. Остальные тут же замерли, дети за соседним столом тоже притихли и во все глаза уставились на деда.

Ма Дачжуан, проглотив недожёванную еду, спросил:

— Отец, что не так?

Старый господин Ма вскипел:

— Что не так? У тебя глаза на затылке или как? Это же есть невозможно!

Ма Дачжуан смутился. Старуха-мать, пытаясь сгладить неловкость, глянула на госпожу Ли:

— Иди, свари отцу чашку жидкой каши.

В этом доме она больше всего любила помыкать именно Госпожа Ли. Старшая госпожа Ма была ей какой-никакой родней по её собственной линии, так что с ней она старалась не перегибать палку. Третий сын, Ма Лаосань, свою жену, госпожу Сунь, всегда защищал, а поскольку мать души не чаяла в младшем сыне, то и невестке давала поблажки.

Госпожа Ли в душе возмутилась, но перечить не посмела.

Когда она ушла, старик обратился к сыновьям:

— Когда вы собираетесь вернуть Чжао-гэра?

Не только невестки, но и он сам понимал: с Чжао-гэром в доме жилось куда лучше. У того рука была лёгкая, готовил он вкусно, а нынешнюю стряпню старик едва в себя заталкивал. За те десять с лишним лет, что Чжао-гэр был в семье, он так всех разбаловал, что невестки вконец обленились. Пора было возвращать его на место, иначе скоро в доме и порядка не останется.

Третий брат Ма ответил:

— Мы уже говорили со старостой, он обещал посодействовать. Наверное, завтра...

Договорить он не успел. Дверь во двор с грохотом распахнулась от мощного пинка. Главная комната дома Ма выходила окнами прямо на ворота, так что незваный гость оказался у всех на виду.

Вошёл парень. В зубах он лениво посасывал травинку, на плече по-хозяйски лежал увесистый дрын. Весь его вид буквально кричал о том, что перед ними — отпетый проходимец.

— О, никак ужинаете?

— Ты... ты зачем припёрся? — Старый господин Ма ткнул в сторону гостя дрожащим пальцем; лицо его потемнело от злости.

— А сам как думаешь? — Фан Цзычэнь по-свойски прошёл в комнату, подтянул к себе табурет и

уселся.

От детского стола поднялся подросток — крепкий паренёк из числа ханьцзы.

— Ты Фан Цзычэнь?

— Он самый. А что, мы знакомы? — юноша смерил его ленивым взглядом.

Паренёк злобно уставился на него:

— Ты побил моего отца! Ещё спрашиваешь, знаю я тебя или нет!

— А-а-а, — протянул Цзычэнь, притворно изумившись. Он принялся мерно постукивать палкой по ладони. — Я побил твоего отца? Быть того не может. Я людей никогда не бью. Обычно я имею дело только со скотиной.

— ...

— Ах ты ж, щенок драный! — взревел Ма Дачжуан. Он вскочил, схватил табурет и замахнулся, намереваясь обрушить его на голову Цзычэня.

Фан Цзычэнь ловко перехватил удар дрыном и одновременно резко ударил противника ногой в коленную чашечку.

В своём прежнем мире Цзычэнь в школе всегда прикидывался прилежным отличником. Он никогда не ввязывался в неприятности, его форма всегда была выглажена до хруста, а вид — самый что ни на есть ботанический. Но всё это было лишь маской для учителей и родителей. В его жилах бурлила та же горячая кровь, что и у любого парня его возраста. Он бегал на разборки вместе со старшим братом, до дыр засматривал фильмы про гонконгских триад, занимался боксом... Короче говоря, в искусстве мордобоя он знал толк.

Этих остолопов из семьи Ма жизнь, видать, ничему не учила. Прошлый раз он их уже проучил, а им всё мало.

Ма Дачжуан снова повалился на пол, завывая от боли. Паренёк-подросток замер на миг, собираясь броситься на помощь, но Цзычэнь его опередил. Он с размаху обрушил дрын на обеденный стол.

Треск! Столешница раскололась пополам, посуда разлетелась вдребезги, а кукурузные пампушки запрыгали по полу к самому порогу.

Женщины взвизгнули — пронзительно, до боли в ушах. Цзычэнь нахмурился, и они, опасаясь, что следующей целью станет их голова, в ужасе попятились к стене. Подросток тоже замер, не смея шелохнуться.

Этот человек... он был по-настоящему страшен. Теперь им стало ясно, почему в прошлый раз отец и дядя вернулись все в синяках и строго-настрого запретили даже приближаться к Фан Цзычэню.

— Ещё вопросы есть? — холодно осведомился Цзычэнь.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Даже дети попрятались за спины взрослых и не смели пикнуть.

Юноша вернулся на табурет. Он откинулся на спинку, закинул ногу на ногу и принялся пристально разглядывать семейство. По его лицу невозможно было понять, о чём он думает.

— Слыхал я, — начал он, — будто вы хотите забрать Чжао-гэра обратно?

Никто не ответил. Тишина в доме Ма стала гнетущей. Цзычэнь положил палку на колени и принялся мерно постукивать по ней пальцами.

— Сначала вы притащили его ко мне на порог, вынудили жениться. Теперь решили забрать обратно. Даю — не даю, хочу — ворочу... Вы что же, меня, Фан Цзычэня, совсем за человека не считаете?

Третий брат Ма, который лучше других помнил тяжесть кулаков Цзычэня, не решился лезть на рожон. На самом деле деревенские боялись их семейства не потому, что те умели драться, а из-за их наглости. Те брали напором, запугивали ещё до начала потасовки. Но, по сути, они были обычными мужиками, чей кругозор не выходил за пределы их надела. Стоило им столкнуться с кем-то более дерзким и опасным, как их спесь мгновенно улетучилась.

— Мы... мы тогда сглупили, — пробормотал Лаосань.

— И? — вскинул бровь Цзычэнь.

Третий брат Ма никак не мог угадать, к чему тот клонит.

— Нам... нам не нужны твои три ляна. Ты это... верни Чжао-гэра, и в расчёте. Идёт? У нас дома работы навалом, должен же кто-то...

Договорить он не успел. Цзычэнь резким ударом ноги перевернул стоявший рядом табурет. Его суровый, ледяной вид совершенно не вязался с образом кротких и боязливых жителей деревни

Сяохэ. Сейчас он больше всего напоминал городского головореза, который за косой взгляд готов голову снести.

Семейство Ма дружно вздрогнуло. Никто больше не осмелился вымолвить ни слова.

— Вы за кого Чжао-гэра держите? За раба своего? Или за скотину тягловую?

То, как они относились к Чжао-гэру, вызывало в душе Цзычэня глухую ярость. Его голос звучал спокойно, но в нём явственно слышалась неприкрытая угроза.

— Некогда мне с вами лясы точить. Вот деньги. Давайте сюда расписку о продаже и разводное письмо.

Старшая госпожа Ма глянула на мужа. Тот хмуро кивнул, и ей ничего не оставалось, как пойти в комнату за документами.

Фан Цзычэнь внимательно изучил бумаги. Убедившись, что всё в порядке, он аккуратно сложил их и спрятал за пазуху, а затем достал три ляна серебра и небрежно бросил их на столик.

Перед уходом он обвёл всех присутствующих тяжёлым взглядом и, не проронив ни слова, неспешно покинул дом.

Глядя на разгромленную комнату, на обломки мебели и черепки посуды, Старшая госпожа Ма не выдержала и запричитала:

— Будь ты проклят, выродок! Чтоб у тебя сыновья без заднего прохода рождались!

<http://bllate.org/book/15357/1419928>